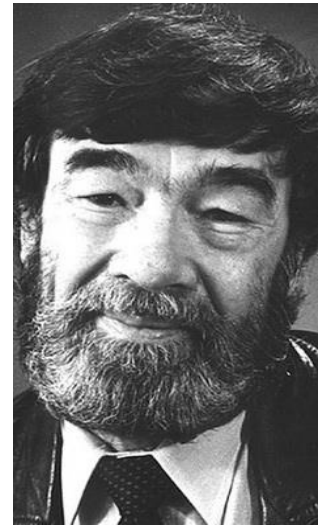

ВНЕ РУБРИКИ

«Работаю, как и раньше, очень много...»

Светлой памяти сибирского архитектора и художника,
учёного-градостроителя и педагога, философа
и замечательного человека Василия Фёдоровича Болдырева

Имя архитектора Василия Фёдоровича Болдырева вряд ли вы отыщите в энциклопедиях и справочниках. Но он очень известен в среде своих сибирских коллег, особенно у представителей поколения, чья молодость и начало творческого пути пришлись на 60-е гг. минувшего столетия. Это поколение, вошедшее в историю нашей страны как поколение «шестидесятников», оставило заметный след в жизни Отечества. Василий Болдырев – один из ярких представителей поколения «шестидесятников» в сибирском архитектурном сообществе. Он был скромн и непритязателен. Он относительно рано ушёл из жизни: умер в 2003 г., прожив чуть больше 60 лет. А для зодчего – это возраст творческой активности, кристаллизации профессиональной зрелости.

Мы не были с ним большими друзьями, но искреннее уважение к этому человеку, интерес к его творческой личности с моей стороны вознаграждались всегда с лихвой его добрым отношением и неподдельным интересом к работам моим и работам моего архитектурного семейства.

Поводом для написания этих строк стало одно из писем Василия Фёдоровича, которое попало на глаза, как это часто бывает, в результате перебирания старых бумаг. Перечитав старое письмо, на которое я, наверняка, послал в своё время ответ его автору, мне захотелось продолжить начатый разговор. Но диалога в данном случае уже, увы, не получится. Приходится ограничиться воспоминаниями, навеянными письмом и, может быть, какими-то безадресными сен-тенциями, которые, возможно, вызовут интерес со стороны читателя. Выдержки из письма, цитаты из книги В.Ф. Болдырева¹, которые приводятся в данной небольшой статье, без всякого сомнения, не могут восприниматься без интереса и искреннего уважения к их автору.

¹ В.Ф.Болдырев. Мои ассоциации. Новосибирск: Сибирская газета, 1994. 100 с.

Письмо от 20 декабря 1996 г. (10 страниц убористого рукописного текста) сопровождало отзыв кандидата архитектуры, профессора В.Ф. Болдырева на автореферат кандидатской диссертации нашего с Мариной старшего сына Артемия. Тема диссертационного исследования «Градостроительные ансамбли соборных площадей и архитектура кафедральных соборов в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске во второй половине XIX века» была очень близка Василию Фёдоровичу – он в этот период работал с коллегами над вариантом комплекса Петропавловского собора в Томске, который (этот вариант) был, как он писал в письме, «Высочайше одобрен Патриархом Всея Руси Алексием II». Василий Фёдорович к письму приложил комплект ксерокопий проектного решения развивающегося крупного сакрального комплекса в долине речки Игуменки. А в своём отзыве на автореферат он дал высокую оценку кандидатской работе, выражая особый восторг по поводу самой темы исследования.

«И если учесть, что работа Артемия посвящена возрождению, восстановлению, реанимации (в том числе и реконструкции, реставрации и т. д.) объектов русского православного церковного зодчества (соборы, храмы, церкви, монастыри и др.), то в общий ряд проблем, связанных с данной темой, активнейшим образом вступает религия – категория духовная, не поддающаяся формализации... В данном случае традиционные научно-практические архитектурно-градостроительные принципы, приёмы, методы, качественно-количественные показатели и критерии оценок, взаимосвязь и взаимодействие внешних и внутренних факторов и многое другое уже не может быть достаточным для решения чрезвычайно сложной проблемы реанимации духовно-нравственной, внутренней культуры общества, носителем которой (культуры) являются религия, сакраментальные сооружения, особенно монастыри, храмы, соборы. Они, именно они, являются главенствующими, важнейшими «элементами», выполняют определяющую, решающую роль при воспитании, формировании мировоззрения общества. Невероятно сложная эта проблема, особенно для тех людей, которые её понимают».

Василий Фёдорович серьёзно и долго болел. В моём письме, которое было отправлено вместе с авторефератом сына и просьбой дать отзыв, я не мог об этом не упомянуть, не спросить.

«Ты спрашиваешь о состоянии моего здоровья. Что сказать по этому поводу? Геннадий Николаевич! Дорогой! Когда человеку перевалило за 2-ю половину 6-го десятка лет (55), когда человеку сделали 4 сложнейших операции на сердце, на сонных артериях и на ногах, хвалиться своим здоровьем – это великий грех! Однако унывать и падать духом – это также великий грех! Просто-напросто я не обращаю внимания на состояние своего здоровья. Если человек дышит – значит, он живёт. А если живёт – значит, он работает... Скучная и грустная эта тема. Здоровье неважное, ноги отказывают. О себе писать не буду – не интересно это. Лучше немного расскажу тебе о работе».

Да, тема грустная. Может быть, и не стоило мне её поднимать в своём вопросе. Василий Фёдорович находил в себе силы не обращать внима-

ния на свои болезни и работать так, как не мог работать даже абсолютно здоровый человек.

«Работаю, как и раньше, очень много, по 18, а иногда и более часов в сутки. Читаю, пишу, рисую, проектирую. Наука, вуз, быт... Одним словом – жизнь. В стадии завершения работа над докторской. В процессе находится работа над третьей монографией по градостроительству в Сибири², работаю также над второй книгой по проблемам ассоциативного искусства. В постоянном ритме – работа над композициями, серии листов которых посвящены различной тематике (Космос, Время, Пространство, Земля, Природа, Музыка, Поэзия, Литература, Философия, Психология, Человек, Воспоминания, Времена года и т. д.)».

Следует напомнить, что в 1994 г. в издательстве «Сибирская газета» (Новосибирск) была выпущена монография В.Ф. Болдырева «Мои ассоциации». Великолепно изданный труд с многочисленными иллюстрациями (цветные и черно-белые репродукции с живописных и графических работ), авторским текстом, раскрывающим творческий метод создателя произведений, интересными воспоминаниями, проектом – идеей Дворца в Стрежевом с залом, размещённым в сферическом объёме. Это издание с дарственной надписью и авторским автографом мы храним в семейной библиотеке³.

«Вторая книга “Мои ассоциации” продолжает в более развёрнутом и широком виде ту тематику, которая затронута в первой книге. Основной смысл, контекст монографии заключается в попытках поиска путей разгадать тайну, загадку механизма творчества. Может быть, я сентиментален, наивен – когда перед собой ставлю такую цель, которую достичь невозможно. Процесс познания, итоги, результаты эксперимента, поиск истины и многое другое – невероятно интереснейшая, увлекательная “вещь”! Многие сотни лет человек пытается решить эту проблему: достичь недостижимое, объяснить необъяснимое – разгадать тайну творчества, тайну Природы, Космоса, Времени, Человека... Вековечные проблемы...»

Вышла ли в свет эта книга, мне неизвестно. Письмо писано в декабре 1996 г. Впереди у Василия Фёдоровича ещё оставалось 7 лет жизни...

«В прошедшем и в этом (1996 г. – Г.Т.) году я прочитал, проштудировал более 250 книг, монографий и др. (о Космосе, Астрофизике, Музыка, Философии, Психологии, Музыкаловедении + Художественная литература...) всего не перечислить. За предыдущий и этот год нарисовал более 300 листов-композиций большого формата (в лист ватмана) и даже не знаю – сколько работ в ½ листа, и ¼ листа. До сих пор не знаю – сколько же всего работ в моей “копилке”? 4000 – 5000 – 6000, или более, не считал... Наука, Искусство, Проекты, Монографии, Статьи, Отчёты о НИР... Часто сам себя спрашиваю: “Кому это надо? Для чего это нужно?” Ответа не нахожу. Тем более в наше жестокое, коррумпированное, безжалостное, демагогически-“демократическое” время! Одиночество, Беспредел, Беззаконие, Насилие, Безразличие, Безнравственность, Оголтелость, Расслоение

² В 1990–1992 гг. были изданы две книги В.Ф. Болдырева «Основы градостроительства в условиях Западной Сибири». Ч. I–II. Томск: Изд-во Томского университета.

³ Болдырев В.Ф. Мои ассоциации. Новосибирск: Сибирская газета, 1994. 100 с.

и Разложение общества, Преступность, Сладострастие, Нажива... О! Господи! До каких пор будет продолжаться эта вакханалия?

Нет, брюзжать я не буду, я не скептик, не пессимист. Но когда поразмыслишь о смысле жизни, о работе, о своих стремлениях и т. п. в соотношении с тем, что творится сейчас в нашей стране, в Сибири, в городе: ослеплённое общество, обманутое общество, ввергнутое в пока что неразрешимый антагонизм, загнанное в “кабалу” лихолетья, – становится как-то не по себе! Конечно, это общегосударственная трагедия – переломный период, очередной переходный этап в развитии страны. Это понятно и ясно, трагедия – не есть катастрофа. Но в нашей стране испокон веков все “преобразования” происходят не так, как “у людей”. Обязательно фатально, «грандиозно», с хаосом и неразберихой, с конфликтами, с исчезновениями “всего и вся”... Гигантская страна, великий народ. Россия – это не Монако, Лихтенштейн, Люксембург, Швейцария, или какая-нибудь там Австрия... Россия – это Держава. И в ней все “преобразования” по непонятным причинам почему-то “должны” происходить именно и непременно с огромными жертвами, с насилием, не по-человечески. Может быть, это происходит оттого, что Россия не осуществила Покаяние, может быть, оттого, что русский народ в отличие от других наций исключительно свободлюбивый, необычайно терпеливый и непрестанно надеется на возрождение утерянных понятий: Честь, Совесть, Долг, Милосердие, Сострадание, Великодушие, Благородство, Бескорыстие, Доброжелательность, Гуманность, Культура... и многих, многих других прописных истин высоконравственного общечеловеческого мировоззрения... Не знаю. Не знаю. Но когда повсеместно видишь стремления “личностей” к наживе, к выгоде, когда поголовно процветает высокомерие, окостенелость, надменность, снобизм, самодовольство, чванливость, цинизм... так и хочется сказать: «Ребята! Что вы творите? Почитайте Библию, почитайте Д.С. Лихачёва, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.П. Платонова, Л.Н. Андреева и его сына – Д.Л. Андреева и многих, многих других избранных Судьбы, почитайте несказанно полезные книги, письма величайших старцев, иеромонахов Оптиной пустыни: Амвросия, Варсонофия, Антония, Нектария, Макария и других, почитайте работы Ф. Затворника, И. Бренчанинова, С. Чичагова, А. Нилуса, П. Флоренского, братьев Киреевских, Д. Жевахова и многих, многих других светлейших умов, которые ясно и чётко говорят о судьбе Родины, России, о нас с вами! Что же вы делаете? Куда вы идёте? Ответа не нахожу. Прихожу к выводу о том, что сейчас никому и ничего не надо, кроме долларов, лимузинов, драгметаллов, коттеджей... И какие уж тут “поиски путей решения проблемы и тайны механизма творчества?” Наивно, глупо, несовременно. Ахинея, одиозная чепуха, “отсебятина”, бесполезная затея... Причём бесполезная с различных точек зрения.

С точки зрения психологии познания – бесполезная затея, так как общеизвестно, что тайну творчества никто и никогда разгадать не сможет – она необозримо выходит далеко-далеко за рамки, за границы наших чувств и разума. Это факт. Ясно – как Божий день! Законы миро-

здания, философии, психологии, социологии... Чем больше мы будем знать, тем больше перед нами предстанут нерешённые, ещё более сложные проблемы. С точки зрения материальной, коммерческой стороны – также все трудовые затраты сходят на нет.... Конечно же, разумеется, можно продать итог, результат работы (проект, картина, скульптура и т. п.), но не самого себя, свою душу... С точки зрения нравственности, этики...»

Философские рассуждения о Творчестве, о Вселенной, о Времени и т. д. в письме Василия Фёдоровича продолжают ещё на 5 страницах. Он вспоминает Аристотеля, Платона, Коперника, Бруно, Галилея, Декарта, Ломоносова и ещё 36 фамилий великих учёных, поставив после последней фамилии многоточие. Не буду утомлять читателя попытками философа и творца Болдырева распознать различие между Наукой и Искусством. Ясно, что, находясь между этими двумя «вселенскими» категориями, будучи и учёным, и художником, он мучился поиском истины и не мог, в силу объективных причин, найти эту истину.

Мне в большей степени хотелось бы обратиться к Василию Фёдоровичу Болдыреву как к архитектору, художнику, как к творцу. Думается, что искусство, творчество было для него гораздо ближе, чем наука. Неслучайно он пошёл учиться архитектуре, поступив в Сибстрин. Хотя родился и вырос в далёкой от города и архитектуры глубинке, в деревушке с красивым названием – Полойка, что в Краснозёрском районе. Как увлечённому охотой, мне неоднократно приходилось, выдвигаясь вместе с друзьями к местам осенней охоты на водоплавающую дичь, проезжать через расположенную между двух озёр Полойку. По-видимому, своё название деревенька получила от слова «полои», т. е. открытые, свободные от зарослей камыша участки озёр. Вот эта озёрная лесостепь с неоглядными далями, перелесками, вольным степным ветром с малых лет участвовала в воспитании, взрослении будущего Мастера.

«Раздольные поля золотой пшеницы, зелёной озими, великолепие чистых берёзовых лесов и перелесков, крупнейшее, просторное небо, небосвод – величественные картины моей Малой Родины.

...Озёра нашего детства. Часто мы, мальчишки, лежали на прибрежном зелёном ковре и смотрели на белые высоченные облака, проплывающие над озером. Облака плыли и плыли над нами, меняя свои причудливые загадочные формы. Мы разгадывали в этих формах различные сказочные существа: заоблачных богатырей, фантастических животных... А облака всё плыли и плыли...

...Ранней весной и поздней осенью мы часто видели высоко-высоко в небе, под облаками, пролетающий клин журавлей. Не знаю, может быть, журавли курлычат на протяжении всего пути своего полёта. Но нам казалось, что птицы именно нам посылают свой прощальный привет, именно с нами они прощаются, и от этого на душе становилось так грустно и печально, что хотелось плакать.

...Иногда ранним-ранним утром у нас на озере мы видели лебедей – величественных белых-белых! Обычно парами они величаво, важно плавали на самой середине озера, но, чуть завидев нас, долго-долго, как бы разбегались по воде, шлёпая лапами, хлопая крыльями, с шумом, с серебристо-золотистыми хрустальными брызгами... А потом взлетали и улетали в неве-

домую даль... Освещённая солнцем, эта картина восхищала нас, и было в ней что-то магическое, завораживающее, неизгладимое в памяти.

...Наши красивые, густые, чистейшие берёзовые леса... В детстве мы часто ходили в леса по грибы, по ягоды, на лесных полянах играли в казаков-разбойников... Сколько же своих сил и терпеливого «воспитания» отдали нам эти леса! Отец-Лес, Мать-Роща... И вот теперь, по истечении многих лет, я, например, как могу, отдаю свой долг лесам-перелескам, отдаю дань уважения, памяти, выражаю свою благодарность и любовь к моей Малой Родине, посвящая ей серии, циклы работ. Низкий поклон вам, родные леса, поля, озёра, перелески...»⁴

«Чем дальше по времени уходят годы детства, тем всё более чётко и образно вырисовываются, проявляются, словно кадры на фотоплёнке, отдельные моменты, фрагменты, ситуации детских лет. Разумеется, какие-то детали и незначительные события либо совершенно забыты, либо закрыты пеленой-завесой неопределённости. И лишь отдельные яркие мгновения запечатлелись с необыкновенной чёткостью, ясно и конкретно. Так произошло и с теми случаями в нашей детской жизни, когда мы пели песни.

Любовь к пению нам привил отец, который очень много знал песен, имел от природы прекрасный музыкальный слух и красивый баритон. Видимо, пение в церковном хоре в молодые годы не прошло напрасно. Отец умело мог «разложить» песню на два-три, а то и на четыре голоса. Семья наша была очень дружная и «песенная». Пели мы и долгими зимними вечерами, сидя за столом при свете керосиновой лампы (в селе тогда ещё не было электричества), пели и на сенокосе – в жару, когда у нас, мальчишек, уже почти не было сил терпеть солнцепёк, когда колючие иглы засохшего сена прилипали к нашим потным телам, пели у ночного костра, когда сторожили на выпасе лошадей, пели, когда убирали с колхозных и своих полей-огородов осенний урожай, пели на своих семейных и общедеревенских праздниках (Рождество, Новый год, дни рождения, свадьбы, ярмарки и т. п.). Песни помогали перенести все тяготы и лишения, голод, холод, нищету первых послевоенных лет»⁵.

Как близки мне эти переживания, связанные с воспоминаниями о далёком детстве, о родительском доме, о сельской жизни и заботах, о прекрасной и многообразной сибирской природе. Во многом судьба Василия Фёдоровича совпадает с судьбой автора данной статьи: детство в сибирской деревне в тяжёлые военные и послевоенные годы, стремление к обретению необходимых знаний и определению своего места в жизни, учёба на архитектурном факультете Сибстрина, увлечение градостроительной проблематикой как в проектном творчестве, так и в науке, в учебно-педагогической работе, передача вектора профессиональной ориентации своим детям... Однако не могла не поражать широта интересов Мастера, его неутомимое копание в поиске смысловых связей между высокими философскими категориями, что для автора данной статьи не присуще. Не могла не удивлять невероятная работоспособность Мастера, продуктивность его живописного и графического творчества, представляющего

⁴ Из книги В.Ф. Болдырева «Мои ассоциации». Новосибирск: Сибирская газета, 1994. 100 с.

⁵ Там же.

сегодня важную часть его творческого наследия. «Виртуозность кисти поразительна. Это открывает возможность широкого ассоциативного восприятия при высокой эмоциональной насыщенности. Другая отличительная черта художника – объединение ряда работ в циклы. Постоянное движение к адекватности воплощения заставляет исследовать всё новые и новые грани идеи. Стремление это интуитивно, а процесс бесконечен. Особенно наглядно это проявилось в работах, связанных с музыкой. Именно музыка, отличаясь от всех других видов искусства предельной эмоциональной насыщенностью, обладает ещё и неисчерпаемостью чувственного познания»⁶. В прекрасной вводной статье искусствоведа Валентины Макашовой вскрыта сущность этой грани творчества Василия Фёдоровича. Она пишет: «Творчество Василия Болдырева воплощает процессы нового искусства двадцатого века, отражающие изменения крупных ментальных систем, значительно превосходящих ментальность одного человека. Этот художник реализует идею «кристалла», вариантно-вариационный принцип формообразования – то, что Антон Веберн называл «одно и то же и каждый раз по-новому». Огромное количество работ Василия Болдырева – неотъемлемая часть этого процесса: каждое отдельное произведение, будучи композиционно закончено, никогда не исчерпывает поставленной идеи и содержит в себе требование новой грани, нового поворота»⁷.

Мне помнится наша встреча в Томске, когда по плану работы Российской академии архитектуры и строительных наук там 15–18 июня 1998 г. проходила годовая сессия Общего собрания РААСН по теме «Проблемы разработки и реализации генеральных планов городов Сибири в современных условиях». Вечером, после работы Василий Фёдорович пригласил нас, группу коллег, на домашний ужин. Вот там и увидели мы его работы в подлиннике, поразились ещё раз их самобытностью, художественной ценностью, но не только этим. Все были поражены их невероятным количеством. Титанический труд просматривался в формате этих работ, в их многодельности, в их объёме... Василий Фёдорович раскладывал перед нами листы, давал пояснения и с надеждой вглядывался в наши глаза, вслушивался в наши реплики – ему важно было почувствовать реакцию зрителя на его поиски, которые доставляли ему не только мучения, но иногда и минуты радости, как в этот вечер.

И тем не менее мы знаем Василия Фёдоровича и как крупного учёного, как прекрасного педагога. Удивительно, что в своей научной и педагогической работе в сфере интересов его незаурядной личности оказалось градостроительство. В 1984 г. В Ленинградском инженерно-строительном институте он защищает кандидатскую диссертацию по теме «Влияние ландшафтно-топографических условий на формирование композиционно-планировочной структуры общегородских центров городов Западной Сибири». По очень близкой теме в эти годы работал над кандидатской диссертацией и автор этих строк (защита в МАрХИ в 1985 г.).

«Отправляю тебе свой автореферат с надеждой получить на него отзыв. Отправляю тебе автореферат в знак искренней к тебе признательно-

⁶ Галактика красок. Вводная статья В. Макашовой к книге В.Ф. Болдырева «Мои ассоциации».

⁷ Там же.

сти, уважения и взаимопонимания. Очень хочу, чтобы и ты как можно быстрее завершил работу... У меня, к примеру, на диссертацию ушло почти 12 лет. И работа получилась довольно ёмкая». Мне не довелось держать в руках и тем более читать трёхтомный труд В.Ф. Болдырева, но его автореферат, на который был отправлен в Совет подготовленный мною отзыв, может считаться образцом по своему содержанию и форме. «В обязательном порядке покажу тебе работу при встрече. Возможно, и я тебе чем-либо помогу, окажу содействие как в общем, так и в частном плане»⁸.

Градостроительство без всякого сомнения является важнейшей и сложнейшей сферой деятельности, в которой призваны работать специалисты разных профессий. Архитектор-градостроитель – безусловно, ведущая фигура в градостроительном процессе. Ведь главной задачей градостроительства всегда была и остаётся задача формирования среды жизнедеятельности человека. Градостроительство, как отметил кто-то из известных мастеров, – это «архитектура больших пространств». Вопросы композиции при формировании городских пространств, особенно при формировании городских центров, композиционные средства, используемые при этом, берутся из арсенала архитектурного творчества. Василий Фёдорович как архитектор, как художник и здесь, в градостроительной науке, обращается к эстетическим категориям пространственной организации и их зависимости от ландшафтно-топографических условий.

Его дальнейшая научно-методическая работа в Томском инженерно-строительном институте выливается в капитальный двухтомный труд «Основы градостроительства в условиях Западной Сибири», изданный в конце 80-х и начале 90-х гг.⁹ Автор развивает сферу своих творческих и научных интересов, используя в том числе и свой практический опыт в градостроительстве, подкрепляя научные выводы прекрасным иллюстративным материалом.

8 декабря 2016 г. Василию Фёдоровичу Болдыреву – архитектору, художнику, учёному и педагогу, ушедшему из жизни в 2003 г., исполнилось бы 75 лет. Друзья и коллеги, все, кто хотя-бы немного знал этого замечательного человека, навсегда сохранили в памяти его светлый образ. Именно на таких людях, бескорыстных и честных, увлечённых работой, и держится жизнь. Как сегодня нужны нам такие люди. Хочется верить, что наступит время, когда они будут по-настоящему востребованы в нашем Отечестве.

*Г.Н. Туманик, заслуженный архитектор России,
член-корреспондент РААСН,
доктор архитектуры, профессор.
Новосибирск, 2016 г.*

⁸ Из письма В.Ф. Болдырева от 22 февраля 1984 г. (всё, выделенное жирным шрифтом).

⁹ Болдырев В.Ф. Основы градостроительства в условиях Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1992.